

Ростов-на-Дону

Наши нравственные ценности

„ПАРНИ ЧТО НАДО!“

Я отчетливо помню тот день. Белоснежное агитсудно «Прогресс» прислонилось к зеленому плечу дебаркадера, где совсем рядом, в двух шагах у обрывистого берега, шумно плескались уставшие за день подсиненные небом августовские тяжелые волны и ластились, глухо стуча о железную обшивку грузотеплохода, что стоял, осторожно переваливаясь на густой шаткой воде, и к нему тянулись из элеватора черные ленты транспортеров, груженных зерном.

Крикливо чайки, казалось, то касались долговязых прибрежных камышей, то стремительно взлетали в бездонную голубизну, то камнем падали в струнину, вытаскивая из глубины серебряную добычу. Тонко жужжали пчелы. И словно гигантские веревы, развесистые вербы отогнали липкую теплыню. По трясной дороге земной журавлиной вереницей бессонно тянулись запыленные сельские грузовики, на которых у кабины звонко трепыхались красногрудыми птицами флажки... Это был обычный день рабочего лета, какой вековечно бывает на Донщине в канун жатвы. Жаркий. Настоянный на торькой полыни и виноградных лзах, на румяном аромате яблоч джанотан, на терпком луке и огородном укропе, на крестьянском поте и гулбных свадьбах...

День, когда загорелые механизаторы и комбайнеры, засучив штаны, заходили топорливо по колени в прохладное течение реки и большими пригоршнями, отфыркиваясь, жадно смывали с лица едкую полову, тут же молодели на глазах, белозубо улыбаясь и садлились на сырой песок почти у выгнутого, как тугой лук, трапа, откуда в алюминиевый рупор бодрый голос возвещал: «Товарищи, к вам в гости приехал ансамбль завода Ростсельмаш «Балалайка». Силами рабочих — ваших шпфов — сегодня будет дан концерт!». Погрузка шла своим ходом. Но почему-то (или мне так показалось?) перестали визжать лебедки, приумолкли моторы, и казачки-молодки неторопливо подходили, присанивались, снимая с голов выгоревшие на солнце ситцевые платочки, и хлопцы — косяя сажень в плечах — выпрямляли натруженные спины...

Элеватор подпирает зори.
И над полем — быть уже звезде.
В золотых колосьях
стольно зерен —
Вдвое больше пота
в бороде.
Будешь ты с геологами
в топах,
На столах рабочих
каждый день...
Здравствуй, хлеб!
Увесистый и теплый.
Как большие руки
деревень...

Читал стихи, отбросив мо-золосчатый чубчик, худенький быстроглазый паренек — ведущий художественной самодеятельности Владимир Чиняев. И, кажется, не только люди, а вслушивалась сама былинная река, сухая шелестящая осока, и, затаив дыхание, замерла от этих простых слов первая вечерняя бледная звезда...

Чиняев, что называется, коренной ростовчанин. Родился в рабочей семье, одной из тех, что первыми возводила стены знаменитого Ростсельмаша. Случайно познакомились в поезде, оказалось — им по пути, на всю жизнь.

После того, как устроились на работу, была свадьба. Скромная. Бригада вкладчину подарила патефон. Под заигранные пластинки молодо пели и пили бледный чай вприкуску с сахаром, а утром, хмельные от счастья, пошли на омену — Софья Кирилловна в цех серого чугуна наждачницей, Иван Сергеевич — сварщиком. Жили, как трудились, — душа в душу. Дружно. В тесноте. Его сестренки Валентина и Нина — довоенные, а он — Володя — послевоенный. Его детство прошло рядом с заводом. Окна смотрели прямо через железнодорожное полотно, где на асфальтированном пустыре высились, кажется, раскаленные южным солнцем красные «степные корабли». Здесь же, на площадке, гонял с ребятней тряпичный мяч, запуская бумажных змеев, лазал по кабинам, трогал неокрепшими руками штурвал, представляя, что ведет эту громадину по пшеничному полю...

Дома с интересом слушали

ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

рассказы родителей о заводе, о комбайнах. И очень хотелось посмотреть, как создаются из железных деталей умные машины. По окончании школы сомнений не было — только на завод, который приковывал внимание, магнитил... «Наш завод», — торжественно величали его в семье. И уже шестнадцатилетним юношей Владимир Чиняев бойко стучал молотком, сбивая тару, короче говоря, плотничал. Пришло время, и заводчане проводили хлопца в армию. Быстро пролетели дни на пограничной заставе. Возмужавшим вернулся Владимир на родной завод. Какие только ни перепробовал специальности — и грузчика, и тракториста, и водителя...

Искал себя, учился в школе рабочей молодежи. Женился. Воспитывал двух сорванцов — Диму и Володю, а когда жена Люба пошла на диплом втуза, сам поступил в Ростовский техникум сельскохозяйственного машиностроения. По окончании перевели его на должность инженера в экспериментальный цех, где он и трудится вот уже пятнадцать лет.

...Видимо, большую роль сыграло в формировании характера Чиняева кино. Популярны актеры Борис Чирков и Николай Крючков завораживали своей игрой, умением воплощаться в героев тех огненных лет — рабочих, крестьян, краснофлотцев... Желание быть похожими на любимых артистов привело семиклассника Владимира Чиняева в драматический кружок художественной самодеятельности при Дворце культуры Ростсельмаша. Здесь и сбылась его мечта выразить стремление своей души.

Буквально на глазах творчески Владимир Народный театр уже не мог обходиться без него. После работы спешил на репетиции. Отдыхал на сцене. Ему нравилось, когда собирались близкие по духу и взглядам люди, к ним всегда тянуло Владимира. На заводе больше с ключами да гайками орудуешь, а

на сцене — духовно. Круг ребят интересный — сверстники. Как зелен к солнышку, тянутся к искусству!

Видели бы вы, как преображаются на сцене инженер Юрий Чеботарев, обкатчик цеха комбайнов Петр Пономарев, слесарь ремонтного цеха литья Саша Лобов. Просто загляденье! Парни что надо! Это и есть дружный коллектив «Балалайка», с которым ездили по белу свету. Где только не бывали: Средняя Азия, Закарпатье, Черноморское побережье, Москва — Колонный зал... Оправдали звание рабочих-актеров, стали лауреатами Всесоюзного смотря народных театров юга России, награждены Дипломом первой степени РСФСР за спектакль «Поднятая целина» М. А. Шолохова... За эти годы их увидели рабочие Франции, Финляндии, ФРГ, Болгарии. Тут и возникает вопрос: «Каков современный рабочий? Его духовный мир? Его стремление и заботы?»

Каждое утро тысячи людей торопятся к проходной,

спешат к своим станкам. Вряд ли сейчас есть человек, который на улице может определить людей по профессии. Раньше было попроще. Их узнавали по спецовкам, промасленным фуражкам... Как говорится, по одежке... А нынче другие нравы: одеваться стали краше, и на лицах — духовтервенность!

Современный рабочий идет в шахматный клуб, посещает театр, поет в хоре, играет в вокально-инструментальном оркестре, занимается спортом... Все это накладывает печать интеллигентности. Кроме того, им частенько приходится бывать за рубежом — передавать свой опыт, самим учиться... Они олицетворяют новую общность — советский народ, советского рабочего. И с честью несут это гордое звание.

«Вот и вспоминается одна из поездок за рубеж. Было это в ФРГ. После выступления некоторые не поверили, что мы рабочие. Подошли. Попросили показать руки. Убедились, что на руках нет мозолей. Мы им объясняем: у хорошего рабочего не должно их быть, ведь только новичок, не умеющий держать инструмент, набивает их. Да разве докажешь? Бесплезно! Разозлились. Пришлось показывать себя. Гена Поздняков, сняв пиджак, принялся за дело: отковал на молоте сложную деталь. Олег Болдырев тоже встал к станку. И тут уж стало видно: мы тоже профессионалы. Ведь рабочий рабочего всегда поймет. Сейчас некоторые (есть и среди нашего брата такие!) кивают: мол, за граница — чуть ли не заморский рай. Насмотрелись мы на него. Выступали как-то в доме престарелых, куда своих родителей собственные дети «упрятали». Нам было дико смотреть, как можно так жестоко поступать. Ведь есть святой сыновний долг. Вот и хвалена мораль свободы человека на Западе...

Редко, но случалось видеть косые взгляды. На одном из концертов в Финляндии сломался гриф гитары. А мы и вида не показываем, продолжаем концерт. Зрители наб-

людают, как мы выйдем из положения. Минута тянулась мучительно долго. Принесли запасную и ребята заиграли так вдохновенно, что встретили «на ура».

Долго не отпускали, а после концерта облепили автобус, просили адреса. В поездках, конечно, сравниваешь, сопоставляешь нашу жизнь с другой. И, честное слово, живем мы лучше, интереснее», — вспоминал Чиняев, озабоченно поглядывая через плечо в цех, где привычно шумели станки, отрывисто стучали прессы, жалобно визжали сверла, а у могучего фикуса в кадшке ждал его верстак с незаконченной деталью.

У завода Ростсельмаш много цехов. В каждом есть свои прославленные герои.

Не оскудела рабочая среда талантами. Каждое поколение выдвигает новые имена. Они оставляют добрый след — портретную галерею знатных заводчан, что украшает входную территорию. Уверен: все они черпают вдохновение из своей «юности в спецовке». Об этом хорошо сказал Анатолий Гриценко:

Под железным небом
Ростсельмаша —
Помнишь, в гуле, рокоте
цехов
Плеч углы топорщит
юность наша
У токарных, фрезерных
станков.
Молодость!
Не чья-нибудь, а наша,
В спорах огневых до
хрипоты
Под железным небом
Ростсельмаша
Набиралась зрелых
мыслей ты.
Мы вовек благодарны
будем
Жизненной науке у станка,
Тем простым, родным
рабочим людям,
Кто учил нас жить
наверняка!..

Современный советский рабочий — гармонически развитая личность. В нем я сегодня вижу инженера-технолога Владимира Ивановича Чиняева. Вижу, потому что он типичный представитель нынешнего поколения.

Несколько раз мы встречались с Владимиром в цехе. В последней беседе Чиняев вспомнил наше знакомство пятнадцатилетней давности на белоснежном судне «Прогресс», что стояло, прислонившись к твердому плечу земли, где поднималась едкая пыль, где в августовской жаре спешили грузовики с прогнувшимися рессорами к элеватору, где золотым ручьем по транспортерам текло в огромные трюмы «наливное золото страны», где в перерыв сидели на деревянных лавочках, натянув почти на глаза выгоревшие фуражки, механизаторы, комбайнеры, водители автомашин, рабочие элеватора... И в звонкой тишине чеканно звучали стихи, которые молодо произносил Чиняев:

Здравствуй, хлеб!
Увесистый и теплый,
Как большие руки
деревень.

А я тогда подумал, что не только деревень, но и горожан — тех, кто делает «степные корабли», что бессонно рокотали, сливаясь с закатым небом, делая последний укос... Во всем этом можно было увидеть крепкий вековечный союз города и деревни, капли труда многих тысяч людей, и к ним по праву можно отнести самодеятельного артиста, инженера Владимира Ивановича Чиняева и других, имя которым его Величество рабочий класс...

А. ТЕР-МАРКАРЬЯН.